

ШЕДЕВР ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА

Конн ИГГУЛЬДЕН

ВОЙНА РОЗ
Буревестник

Москва
2018

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
И26

Conn Iggulden
STORMBIRD

© Conn Iggulden 2013

Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Иггульден, Конн.
И26 Война роз. Буревестник / Конн Иггульден ; [пер. с
англ. Г. В. Сахацкого]. — Москва : Издательство «Э»,
2018. — 512 с. — (Шедевр исторического романа).

ISBN 978-5-04-091079-3

1443 год. Ближится к концу Столетняя война. Силы Англии истощены, а на престоле сидит Генрих VI – бледная тень своего прославленного отца, безвольный правитель, постепенно скатывающийся в пучину безумия. В Англию стекаются оборванные беженцы из отбитых французами земель, одно за другим вспыхивают восстания, мятежники угрожают захватить Лондон. А тем временем лорды из династий Ланкастеров и Йорков готовятся вцепиться друг другу в глотки за право носить корону. Это преддверие долгой и кровавой игры, ставка в которой – английский престол. Над страной разгорается зарево Войны Алой и Белой розы...

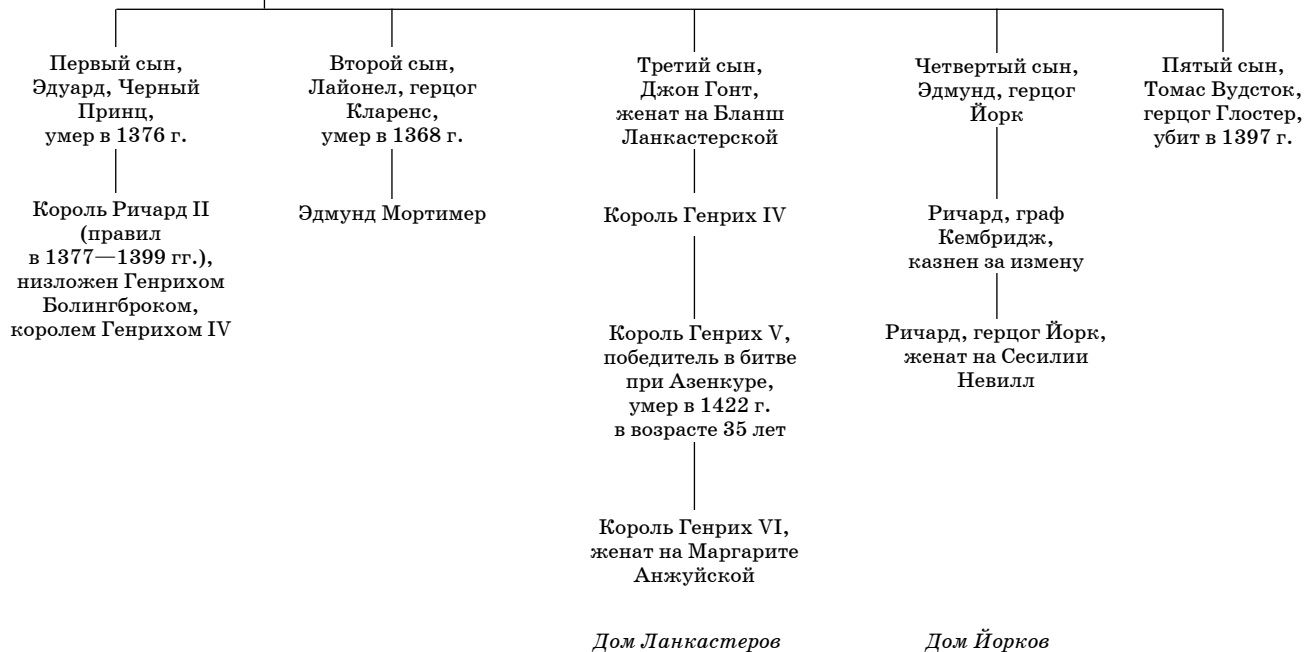
УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-091079-3

© Сахацкий Г.В.,
перевод на русский язык, 2013
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Линии английской королевской династии Плантагенетов

Король Эдуард III (правил в 1327—1377 гг.)

ПРОЛОГ

1377 год от Рождества Христова

Под кроватью стояли забытые врачом тазы, полные темной королевской крови. Алиса Перрерс, только что облачившая короля Англии в доспехи, сидела рядом в кресле, тяжело дыша после невероятных усилий. В воздухе витал запах пота и смерти. Бледный седобородый Эдуард лежал, словно собственное извращение.

В устремленных на него глазах Алисы стояли слезы. Удар, поразивший Эдуарда, обрушился на него с чистого весеннего неба, невидимый и ужасный, при теплом, ласковом ветерке. Подавшись вперед, она заботливо склонилась над ним и вытерла струйку слюны, вытекавшую из опустившегося уголка рта. Некогда он был очень силен — мужчина из мужчин, который мог сражаться от рассвета до заката. Сверкающие доспехи были покрыты отметинами и шрамами, как и тело их владельца. Под собой они скрывали увядшие мышцы и изношенные кости.

Она ждала, когда он откроет глаза, не уверенная в том, что у него сохранилась способность мыслить. Порой сознание возвращалось к нему, но с течением дней эти периоды случались все реже и длились все меньше. На рассвете он проснулся и попросил ше-

потом, чтобы на него надели доспехи. Врач вскочил с кресла и принес один из своих отвратительных настоев. Эдуард, слабый, как ребенок, пытался отвести в сторону сосуд с неприятно пахнущим лекарством, который совали ему в рот. Увидев эту картину, Алиса преисполнилась решимости и, не обращая внимания на протесты и угрозы, выгнала врача из королевских покоев, охаживая его своим фартуком, после чего закрыла за ним дверь.

Приподняв голову, Эдуард наблюдал за тем, как она снимает с вешалки кольчугу. На его лице промелькнула улыбка, затем голубые глаза закрылись, и он откинулся назад на подушки. На протяжении следующего часа она возилась с кожаными ремнями и металлическими застёжками и ворочала обессиленное, беспомощное тело старика, вытирая ладонью испарину с покрасневшегося лица. Ее брат был рыцарем, так что ей и прежде доводилось снаряжать мужчину на войну.

К тому моменту, когда она, натянув ему на руки перчатки, устало опустилась в кресло, сознание едва брезжило в нем, и Эдуард лишь тихо стонал. Его пальцы судорожно сжимали мягкое одеяло, и тут Алиса поняла, чего он хочет. Она поднялась, взяла обеими руками большой меч, стоявший прислоненным к стене, и положила его рядом с ним на кровать так, чтобы он мог взяться за рукоятку. Когда-то Эдуард с легкостью потрясал им над головой, будто он был невесомым. Она смахнула с лица горючие слезы, когда его ладонь судорожно вцепилась в рукоятку. В тишине комнаты отчетливо слышался скрип перчаток.

Она удовлетворенно кивнула. Дело было сделано. Теперь он выглядел подобающим образом, как настоящий король. Достав из кармана гребень, Алиса принялась расчесывать его растрепанные волосы и сваливавшуюся бороду. Ждать оставалось недолго. Одна сто-

рона его лица опала, словно потек растаявший воск. Дыхание постепенно становилось хриплым и прерывистым.

В свои двадцать восемь она была почти на сорок лет моложе короля, но до того, как его одолела болезнь, он оставался энергичным и сильным, словно время не властвовало над ним и ему предстояло жить вечно. Он правил всю свою жизнь, и никто из тех, кого она знала, не помнил ни его отца, ни великого Молота Шотландцев, правившего до того. Династия Плантагенетов оставила неизгладимый след в истории Англии и разорвала Францию на части в битвах, где, как всем казалось, не было шансов на победу.

Гребень цеплялся за спутанные пряди бороды. Изможденный болезнью король открыл глаза. Алиса съехала под его свирепым взглядом, столь долгое время вызывавшим трепет в ее душе.

— Я здесь, Эдуард, — произнесла она полусшепотом. — Я с тобой. Ты не один.

Его лицо исказила гримаса. Свободной левой рукой он схватил ее руку с зажатым в ней гребнем и привлек к себе. Каждый вдох давался ему с трудом. Когда он заговорил, его лицо побагровело от напряжения. Алиса наклонилась, чтобы лучше расслышать слова короля.

— Где мои сыновья? — спросил он. Его голова на мгновение оторвалась от подушки и тут же упала назад. Трясущиеся пальцы правой руки сжимали рукоятку меча, ища в этом успокоения.

— Они скоро придут, Эдуард. Я послала гонцов к Джону, чтобы он вернулся с охоты. Эдмунд и Томас тоже уже в пути. — Едва произнесла эти слова, она услышала звук шагов и приглушенные мужские голоса. Алиса хорошо знала его сыновей и поняла, что их разговор подошел к концу. — Они отошлют меня, любовь моя, но я буду поблизости.

Фаворитка поцеловала короля в губы и ощутила неестественный жар его прерывистого дыхания. Откинувшись на спинку кресла, она различила резкий голос Эдмунда, рассказывавшего двум своим спутникам о пари, которое он заключил. Как бы ей хотелось, чтобы среди них был старший брат, но Черный Принц умер годом ранее, так и не унаследовав королевство отца. Потеря наследника стала первым ударом для Эдуарда, за которым последовали и другие. Отец не должен переживать своих сыновей, подумалось ей. Это слишком жестокая участь — как для короля, так и для простого человека.

Дверь открылась с таким грохотом, что Алиса даже вздрогнула. Каждый из трех вошедших мужчин по своему походил на отца. Как и прадед, носивший прозвище Длинноногий, они были среди самых высоких людей, каких ей когда-либо доводилось видеть, и сразу заполнили собой комнату.

Стройный и черноволосый Эдмунд Йорк, никогда не жаловавший фавориток отца, нахмурился, увидев женщину, сидевшую рядом с Эдуардом. Алиса поднялась с кресла и отошла в сторону. Стоявший рядом с ним Джон Гонт имел такую же бороду, как у отца. Правда, она была густа, черна и пострижена острым клином, полностью скрывавшим горло. Они вошли первыми и приблизились к кровати Эдуарда, который опять закрыл глаза.

Алиса, стоявшая в стороне с опущенной головой, испытывала душевный трепет. Пользуясь покровительством короля, она скопила немалое состояние, но ей было хорошо известно, что любой из присутствовавших в комнате мужчин может в любой момент, когда ему взбредет в голову, распорядиться о конфискации всего ее имущества и земель. Герцогский титул был все еще нов, и пока никто не пытался оспорить их власть. Среди графов и баронов они были почти полноправными

королями и равными себе считали лишь тех, кто сейчас находился вместе с ними в этой комнате.

Двое из пяти герцогов, получивших титул от Эдуарда, отсутствовали. Лайонел, герцог Кларенс, умер восемью годами ранее, оставив после себя лишь дочь. Сыну Черного Принца было всего десять лет. Ричард унаследовал от своего отца герцогство Корнуоллское — точно так же, как должен был унаследовать само королевство. Алиса встречалась с обоими детьми и питала надежду, что Ричарду удастся выжить, преодолев соперничество своих могущественных дядьев, и стать королем. Однако, говоря откровенно, она не поставила бы на него ни пенни.

Самым молодым из сыновей Эдуарда был Томас, герцог Глостер. Возможно, потому, что они были наиболее близки по возрасту, он всегда относился к ней доброжелательно. Он единственный сейчас удостоил Алису вниманием.

— Я знаю, вы служили утешением моему отцу, леди Перрерс, — сказал Томас. — Но теперь настало время для его общения с семьей.

Алиса заморгала и покорно кивнула, но, прежде чем она успела двинуться с места, заговорил Эдмунд Йорк.

— Он хочет сказать, что вам, девушка, следует обратиться, — произнес он, не отрывая взгляда от отца. — Вон отсюда.

Алиса быстро вышла из комнаты, смахнув с лица слезы. На пороге она оглянулась и бросила взгляд на троих сыновей, стоявших над умирающим королем. Закрыв дверь, она разрыдалась и направилась во дворец Шин.

Оставшись одни, братья долго хранили молчание. Отец был для них единственной опорой в этом беспокойном, полном опасностей мире. Он просидел на престоле пятьдесят лет, и во времена его правле-

ния Англия превратилась в могучее и богатое королевство. Они не могли представить свое будущее без него.

— Может быть, нужно позвать священника? — неожиданно выпалил Эдмунд. — Недопустимо, чтобы отец провел последние минуты своей жизни в обществе шлюхи.

Он не заметил гримасы, мелькнувшей на лице его брата Джона. Эдмунд имел обыкновение выкрикивать слова, не умея или не желая говорить спокойно.

— Его можно будет позвать для совершения последних обрядов, — сказал Джон подчеркнуто спокойным тоном. — Он сейчас молится в маленькой комнате, мимо которой мы только что прошли.

Снова воцарилось молчание. Эдмунд переступил с ноги на ногу и вздохнул, наблюдая за тем, как вздымается и опадает грудь отца, и прислушиваясь к издаваемым им глухим хрипам.

— Я не вижу... — начал было он.

— Тише, брат, — мягко перебил его Джон. — Пожалуйста, *тише*. Он попросил надеть на себя доспехи и вложить в руку меч. Теперь уже скоро.

Джон в раздражении закрыл на мгновение глаза, в то время как его младший брат огляделся, отыскал глазами кресло, со скрежетом подвинул его ближе к отцовской кровати и расположился в нем.

— В ногах правды нет, не так ли? — произнес он с самодовольным видом.

Положив руки на колени, Эдмунд бросил взгляд на отца. Когда он заговорил вновь, его голос утратил обычную пронзительность:

— Я никак не могу поверить в это. Он всегда был таким крепким.

Джон Гонт положил руку на плечо Эдмунда.

— Понимаю, брат. Я тоже его очень люблю.

Томас хмуро взглянул на них.

— Вы хотите, чтобы он испустил дух, слушая вашу пустую болтовню? — бросил он им резким тоном. — Молчите или молитесь. Либо одно, либо другое.

Джон кивнул и сжал плечо Эдмунда, почувствовав, что тот готов тут же возразить. К его облегчению, Эдмунд передумал и заговорил, чуть помедлив:

— Послушай, Джон, неужели ты никогда не думал о том, что между тобой и короной стоит всего лишь десятилетний ребенок? Если бы не милый мальчик Ричард, завтра ты стал бы королем.

Эта тирада вызвала гнев у остальных двух братьев, и они велели Эдмунду умолкнуть. Тот пожал плечами и стряхнул с себя руку Джона.

— Только не говори, что ты не думал об этом. Понятно, что дома Йорков и Глостеров не могут рассчитывать на престол, но ты, Джон? Ты находишься в шаге от того, чтобы стать помазанником Божьим. На твоём месте я поразмыслил бы над этим.

— Им должен был стать Эдуард, — возразил Томас. — Или Лайонел, если бы он тоже не умер. В настоящее время единственным законным наследником является сын Эдуарда Ричард, и больше не может быть никаких разговоров об этом. Господи, я не понимаю, Эдмунд, как ты можешь говорить такое, когда наш отец лежит на смертном одре? Что значит «стоять в шаге от того, чтобы стать помазанником Божьим»? Угомонись, братец. Я больше не желаю тебя слушать. Существует закон о престолонаследии, и он определяет, кто должен стать королем.

Старый король открыл глаза и повернул голову. Братья заметили это движение, и язвительный ответ так и не сорвался с губ Эдмунда. Они одновременно склонились над стариком. Его лицо скривилось в улыбке, обнажившей желтые зубы.

— Приехали посмотреть, как я умираю? — спросил Эдуард.

Братья улыбнулись, радуясь этому проблеску жизни, и Джон почувствовал, как его глаза наполнились слезами, затуманившими ему взор.

— Я спал, ребята. Мне снилось, будто я еду на лошади по зеленому полю.

Он говорил так тихо, что они едва слышали его. И тем не менее, глядя ему в глаза, они видели того самого человека, которого знали прежде. Он пристально смотрел на них.

— Где Эдуард? — спросил король. — Почему его нет с вами?

Джон вытер слезы.

— Он умер, отец. В прошлом году. Королем станет его сын Ричард.

— Ах, какая жалость! Я видел, как он сражался во Франции. Вы знаете?

— Я знаю, отец, — ответил Джон.

— Французские рыцари с криками бросились в атаку в том самом месте, где стоял Эдуард, пытаясь смять его. С ним было всего несколько человек. Бароны спрашивали меня, не хочу ли я послать рыцарей на подмогу ему, моему первенцу. Ему тогда было шестнадцать лет. Знаете, что я ответил им?

— Вы ответили «нет», отец, — прошептал Джон.

Старик разразился хриплым смехом.

— Я сказал «нет». Я сказал, что он должен заслужить свои шпоры. — Он устремил взгляд вверх, словно погрузившись в воспоминания. — И он выстоял! Он проложил себе путь мечом и пробился ко мне. Тогда я понял, что он будет королем. Я понял это. Он придет?

— Он не придет, отец. Его нет в живых. Королем будет его сын.

— Мне очень жаль. Я любил его, этого мальчика, этого храброго мальчика. Я любил его.

Дыхание короля быстро слабело и, наконец, прекратилось вовсе. В комнате воцарилась зловещая тишина, которую спустя некоторое время нарушили с трудом сдерживаемые рыдания Джона. Король Эдуард III умер, и осознание этого легло тяжким бременем на плечи братьев.

— Позовите священника, — сказал Джон. Он закрыл отцу глаза, в которых уже не было обычных огоньков.

Один за другим трое братьев склонились, чтобы поцеловать отца в лоб, в последний раз прикоснуться к его плоти. Когда явился священник, они вышли из комнаты — навстречу июньскому солнцу и своему будущему.